

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“NUESTRO PAÍS”
SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual № 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233
Concesión № 3980

INTERES GENERAL

AÑO IX

Buenos Aires, Jueves, 27 de Junio de 1957

Буэнос Айрес, четверг, 27-го июня 1957 года

№ 388

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

60. СОПРОТИВЛЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ УЖЕ СВЕЛО НА НЕТ ХРУЩЕВСКУЮ РЕФОРМУ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ, ПРИВЕДЯ К НЕПРЕДВИДЕННЫМ ДЛЯ НЕГО РЕЗУЛЬТАТАМ. — СМЕРТЬ СВИРЕПОЙ АННЫ МИХАИЛОВНЫ ПАНКРАТОВОЙ. — ИЗ ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ.

Уже в прошлой моей статье я предсказал, что предпринятая под обманчивым лозунгом сокращения бюрократического аппарата и приближения административных органов к промышленным предприятиям реформа толькоувличит прожорливую стаю советского чиновничества и усложнит самые методы администрирования. Не прошло и двух недель с утверждения закона от 10-го мая 1957 года, разбору которого посвящена моя предыдущая статья, как мои предположения подтвердились.

За две недели правительство приняло такие решения, которые уже свели на нет всю реформу. Законодательную горячку мая сего года по реорганизации промышленности можно охарактеризовать словами Ленина, взятыми им для заглавия одного из первых своих произведений: "Шаг вперед — два назад".

На самом деле, не успели еще ликвидировать все перечисленные в законе министерства, как стали создавать в Госплане Сектора, Отделы, Управления, которые полностью будут выполнять работу упраздняемых министерств: планировать постройку новых предприятий, определять размер и качество продукции всех заводов, проверять выполнение планов и посыпать своих контролеров на самые предприятия. Разница лишь в том, что раньше министерство непосредственно управляло заводом или шахтой, а теперь его представитель будет действовать по приезде в провинцию через новый орган — местный "Совет народного хозяйства", совершенно никчемное средоточие между планирующим и контролирующим выполнение Госплана и работающим по выполнению этого плана промышленным предприятием.

Я все же предполагал, что часть министров и их прихвостней из упраздняемых министерств отправится в провинциальные совнархозы; повидимому, большинство останется в Москве, перейдя в разбухающий не по дням, а по часам Госплан. Действительно, еще не успели фактически упразднить министерство легкой и текстильной промышленности, министр которого Н. С. Рыков поехал, как помнят читатели, послом в Анкару, как в Госплане создан Отдел легкой промышленности, во главе которого поставлен весьма нелюбимый Хрущевым прежний сталинский фаворит А. Н. Косягин, которого Хрущев сумел в прошлом устранил от управления легкой промышленностью. К нему поступит весь аппарат ликвидируемого министерства. Затем последовало создание в том же Госплане Отдела Машиностроения, куда перешли кадры упраздненных министерств: машиностроения (министр Н. В. Смеляков), станкостроения и инструментальной промышленности (министр А. И. Костусов) и приборостроения и средств автоматизации (министр М. А. Лесечко). Во главе этого Отдела поставлен старый чекист, зам. предс. совета министров и член ЦК генерал-лейтенант госуд. безопасности М. В. Хруничев, которому (полагаю) будут помогать все три вышеназванных "упраздненных" министра.

Одновременно создан Отдел плани-

рования продовольственной промышленности, поглотивший три ликвидированные министерства: производства мясных и молочных продуктов, прочих продовольственных товаров и рыбной промышленности — их возглавляли министры С. Ф. Антонов, В. П. Зотов и А. А. Ишков. Из них Зотов почастливилось возглавить сейчас этот новый отдел Госплана.

Наконец был в тот же день организован Отдел автомобильной промышленности, во главе которого видим министра автомобильной промышленности Н. И. Стрекина, 50-летнего кандидата ЦК, от которого Хрущев не смог оторваться. Совершенно непонятно: зачем надо было огород городить — упразднить это министерство, чтобы тут же его возродить в качестве Отдела Госплана во главе с тем же министром.

Интересно отметить, что все эти бюрократы получили еще более крупные титулы: Косягин называется первым заместителем председателя Госплана, а Хруничев, Зотов и Стрекин — просто заместителями председателя Госплана. Таким образом упомянутые в прошлой моей статье Стрекин и Зотов не только не пострадали от реформы, но даже получили повышение, став заместителями сталинской креатуры — Кузьмина.

Но на этом не остановилось разрушение Госплана; сейчас же затем был организован Отдел строительного и дорожного машиностроения и транспортного строительства, куда вошли два ликвидированных министерства: строительного и дорожного строительства (министр Е. С. Новоселов) и транспортного строительства (министр Е. Ф. Кожевников). Новоселов назначен начальником этого нового Отдела и тут опять дело сводится к простому и нелепому переименованию.

Вслед за этим образован Отдел тяжелого и сельско-хозяйственного машиностроения во главе с бывшим министром министерства того же наименования Г. С. Хламовым. Опять мы видим пример простого переименования, чего вовсе не хотел Хрущев.

Но если в этих случаях ему пришлось маневрировать уступая требованиям своих политич. соперников и соглашаясь на возрождение упраздняемых министерств с прежними министрами во главе, то несомненным его поражением явилось создание Отдела угольной промышленности. Читатели помнят, как он настаивал на передаче угольной промышленности из СССР в РСФСР и перевод министерства в Кемерово. Они также помнят, что единственным серьезным оппонентом Хрущеву явился украинец Засядко, который предлагал в таком случае упразднить те министерства, которые Хрущев хотел сам сохранить. Что же из этого вышло?

В Госплане создан отдел угольной промышленности, который заменит два министерства: угольной промышленности (министр А. Н. Задемитко) и строительства предприятий угольной промышленности (министр Л. Г. Мельников). В прошлой статье я характеризовал их обоих. Но во главе нового отдела мы не видим ни того, ни другого. На этот пост назначен мин. угольной промышленности Украины А. Ф. Засядко — фигура

очень интересная и мало известная за пределами СССР: родившись в 1910 году, он с 20 лет работал углекопом в родном Донбассе, подобно отцу и деду, и год спустя вступил в партию. 25 лет партийный шахтер назначается начальником шахты, а четыре года спустя Засядко становится директором Угольного Комбината Донбасса (напомним, что массовое истребление Ежовым партийных кадров Донбасса открывало тогда большие возможности для выдвижения партийной молодежи). После эвакуации в Сибирь, в годы войны, Засядко организует там новые угольные разработки и в 33 года назначен Зам. Наркома Угольной промышленности, а 4 года позднее Наркомом. Этот молодой бюрократ пользуется особым favorом Сталина и Маленкова: за каждый успех его хвалят и поздравляют, а при частых провалах ему все прощаются, объясняя все промахи "молодостью" и "неопытностью" самого молодого из сталинских министров. Всезде и всюду Засядко поддерживал Маленкова до самого его падения. Поэтому, немедленно после свержения Маленкова, Хрущев и Булганин убрали с министерского поста Засядко, как "не справившегося с работой". Такая позорящая формула в сталинскую пору означала бы ссылку, арест, а то и расстрел по "всему вредительству". Но трусливые Хрущев и Булганин не посмели расправиться не только с Маленковым, но и с его приверженцем Засядко. Тот уехал в родной Донбасс, где снова начал в 45 лет карьеру: стал начальником шахты, а через полтора года благодаря популярности среди партийных за правил угольной промышленности, репутации министра из шахтеров и природного украинца стал министром угольной промышленности Украины. Теперь он не побоялся полемизировать на сессии Верховного Совета против всесильного, казалось бы, Никиты и не только не пострадал, но оказался еще во главе Отдела Госплана, отеснив своих преемников по министерству в 1955 году Задемитко и Мельникова. Это назначение является несомненным поражением Хрущева. Мне могут возразить, что если бывшие министры по существу продолжают руководить теми же отраслями промышленности, работая в качестве начальников соответствующих отделов Госплана, то зато они выбыли из состава совета министров и перестали таким образом входить в состав правительства Советского Союза

В ответ приведу указ Верховного Совета от 25-го мая:

"Президиум Верховного Совета СССР назначил министрами СССР: первого председателя Госплана СССР тов. Косягина Алексея Николаевича; заместителей председателя Госплана СССР т.т. Хруничева Михаила Васильевича, Зотова Василия Петровича и Стрекина Николая Ивановича; начальников отделов Госплана СССР т.т. Засядко Александра Федоровича, Новоселова Ефима Степановича и Хламова Григория Сергеевича чл.".

Таким образом вместо 28 министров, выбывших из правительства в результате закона от 10-го мая, в состав совета министров вернулось уже 7 человек в качестве руководителей Госплана да еще 15 человек входит в него в качестве председателей советов министров союзных республик. Число министров СССР уменьшилось: не на 28, а всего на 6 человек!

На этом фоне не кажется упрощением аппарата последовавшее (в который уже раз) слияние министерств сельского хозяйства и совхозов в одно министерство с назначением министром б. министра сельского хозяйства и зам. предс. совета министров СССР В. В. Мацкевича, сделавшего карьеру на сво-

В НОМЕРЕ:

А. Ростов
НА РОДИНЕ

Др. А. К.
НЕВЫЯСНИВШИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ
(Продолжение)

Н. Потоцкий
ИЗ КНИГ, СТАВШИХ РЕДКОСТЬЮ
Михаил Бойков

НА ВЕТЕР!
Проф. М. В. Зызыкин
ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I
И ВОЕННЫЙ ЗАГОВОР
14 ДЕКАБРЯ 1825 г.
(Окончание)

БИБЛИОГРАФИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ей поездке в Соед. Штаты во главе делегации агрономов для изучения "капиталистического" сельского хозяйства. Насмешкой звучит при наличии перебоев в снабжении провинциальных городов продуктами сельского хозяйства речь Хрущева от 22-го мая на собрании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в Ленинграде, в которой он обещает "в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты по производству мяса, масла и молока на душу населения". Эта длинная речь производит жалкое впечатление и никого не убеждает: самое сравнение с Соед. Штатами является признанием, что коммунисты берут за еще недостигнутый ими за 40 лет уровень благосостояния страну "кризисов, безработицы, гангстеров", какими стараются советские пропагандисты изобразить своего заокеанского противника. В то же время для нас ясно, что население больше не удовлетворяется обещаниями перегнать Америку по выпуску автомобилей, телевизоров, судов или паровозов, ни в деле производства атомной энергии, и интересуется скорее узнать: когда же, наконец, никто во всей великой нашей стране не будет нигде стоять в очередь за маслом? Когда сможет рабочий средней руки рассчитывать на мясной обед для своей семьи? Вот поэтому и пришло замаскировать упор правительства на развитие тяжелой и военной промышленности обычными лживыми обещаниями не сейчас, а через несколько лет дать возможность всему населению полакомиться сливочным маслом, попить молока и поесть мяса. Но ведь уже много раз это обещали и Ленин в своих проектах подъема сельского хозяйства путем электрификации, и Сталин в своих пятилетках, и будут дальше обещать после Хрущева его преемники, пока народ не свернет им лицо!

Хрущевская комедия с реформой промышленности сейчас обсуждается во всех 15 союзных республиках по тому же скучному и однообразному трафарету: приведу для примера две республики из этого общего числа:

На Украине в Верховном Совете сдал доклад, подобно Хрущеву, но в местном масштабе, председатель совета министров Украины Н. Т. Кальченко; предложивший ликвидировать ряд министерств и создать 11 местных совнархозов. После скучных и однообразно-одобрительных речей разных местных главарей партии и правительства решено упразднить республиканские министерства: черной металлургии, угольной, легкой, лесной промышленности, промышленности продовольст-

венных товаров, городского и сельского строительства, а также комитет по делам строительства и архитектуры; но зато разбухает местный республиканский Госплан, создан Научно-Технический комитет, который приютят тех чиновников, которых не возьмет Госплан; одновременно открываются 11 Советов народного хозяйства в следующих городах: Киев, Одесса, Львов, Харьков, Сталино, Херсон, Днепропетровск, Запорожье, Ворошиловград, Винница и Станиславов. Насколько громоздок будет аппарат этих никемных учреждений, показывает хотя бы структура Сталинского Совнархоза с его 10-ю отделами: производственно-техническим, капитального строительства, планово-экономическим, финансовым, коммунального хозяйства, угольной промышленности, металлургии, энергетики, дорожного строительства и подъездных путей, санитарно-техническим, водного хозяйства. Кроме того будут сохранины подчиненные Совнархозу четыре комбината: "Сталинуголь", "Артемуголь", "Сталиншахтстрой" и "Артемшахтстрой". Все эти дармоедные учреждения будут получать планы и директивы от Госплана СССР и "спускать" их производственным предприятиям. Таким путем Хрущевская реформа сохранит в Москве огромную армию чиновников всех рангов и, пожалуй, удвоит их количество на Украине.

Так проводится эта реформа в передовой по своему промышленному развитию Украине. Посмотрим теперь для сравнения: как она проходит в наиболее промышленно отсталой Таджикской республике у границ Пакистана и Афганистана?

Председатель совета министров Назаршо Доддухоеев сделал аналогичный доклад. Два дня выступали с похвалами этому докладу депутаты. Создан, как велено было Хрущевым, один совнархоз на всю республику для руководства всеми 174 промышленными предприятиями; упразднены министерства — легкой, местной промышленности, мясомолочных продуктов, продовольственных товаров, строительных материалов, министерства сельского хозяйства и совхозов, как и повсюду, слияты в одно министерство, комитет по делам строительства и архитектуры влият в министерство строительства, которое преобразовано из прежнего министерства городского и сельского строительства. Как видим, и тут больше всяких переименований, нежели серьезных изменений структуры давящего на страну прожорливого партийно-советского аппарата.

Я позволил себе так подробно излагать эти скучные советские реформы с перечислением всяких упраздняемых и переименуемых ведомств, чтобы показать с полной наглядностью, насколько вся эта реформа носит показной характер и ведет к дальнейшему усложнению запутанного и громоздкого советского аппарата.

25-го мая с. г. скончалась после продолжительной и тяжкой болезни одна из самых отталкивающих фигур сталинской эпохи, член ЦК с 1952 г., член президиума Верховного Совета СССР, академик Всесоюзной и Белорусской Академии Наук и Педагогической Академии в Москве, сталинский лауреат Анна Михайловна Панкратова. С ее смертью во всем составе членов ЦК остается одна женщина — министр Здравоохранения СССР доктор медицины Мария Дмитриевна Ковригина.

Панкратова родилась 21 февраля 1897 года в Одессе в рабочей семье; потеряв в 11 лет отца, она, якобы, работала на заводе вместе с матерью, что весьма сомнительно (девочки 11 лет не могли работать на предприятиях в дореволюционной России!). В дни революции она, 20-ти лет, служила прислугой в Одессе и с 1918 года приняла участие в партизанских бандах, принятая в 1919 году в компартию и после занятия Одессы большевиками с бандой партизан арестовывалась и расстреливалась оставшихся в городе лиц, связанных с добровольцами. В 1921 году была отправлена в Институт Красной Профессуры, что позволяет думать, что она имела незаконченное среднее образование, хотя и работала в качестве прислуги, что тоже может быть вымышлено. Во всяком случае она в 1925 году закончила этот институт и поехала "профессорствовать" в Саратов, где партийный билет дал ей кафедру истории. Ее первые научные работы по истории революционного движения и развитие промышленности не блистали на-

учными достоинствами и потому она начала выдвигаться только после разгрома в 1930-31 г.г. исторической науки ("дело 4-х академиков", по которому заключено в концлагерь и сослано свыше 100 историков). Но еще более содействовал ее карьере разгром коммунистической "школы" Покровского, ликвидировавший ее партийных соперников на историческом поприще: Цвибака, Зайделя, Моисея Лурье, Наташа Лурье, Розенталия, Зусмана, Фейгина и других. Полное отсутствие серьезных историков на свободе позволило ей взять монополию на составление исторических учебников, которые она составляла "бригадным методом", т. е. об разуя под своим руководством "бригаду" историков, которые производили архивные изыскания или компилировали из чужих научных работ материалы для новой книги, для которой Анна Михайловна писала предисловие и вступительные главы с цитатами и ссылками на "классиков марксизма". Особенно успешно стряпала она новые "патриотические" учебники, когда с 1935 года Сталин приказал взять курс на реабилитацию исторического прошлого, чтобы разжечь нужный теперь для борьбы против гитлеризма воинственный шовинизм. Панкратова всегда умела уловить ту нотку, которая понравится Сталину и он перевел ее в Москву.

В 1940 году ее "выбрали" белорусским академиком по кафедре русской истории, а в 1944 году академиком Педагогической Академии, в 1953 году — членом Академии Наук СССР. В 1946 году она получила сталинскую премию первой степени.

Характерно ее поведение на Международном Конгрессе исторических наук в Риме в августе 1955 года. Узнав от своих чекистов, что по соседству с советской выставкой исторических работ устроена скромная выставка научных работ русской эмиграции, она сначала послала своего подручного чекиста П. М. Шикарева выкрасть наиболее интересные для советской разведки работы: Д. Карева, "Партизанское движение в СССР в 1941-45 г.г." (изд. Мюнхенского Института), Ю. Недосека, "Большой путь к установлению контроля над Белоруссией" (то же издание), Б. Яковleva, "Концентрационные лагеря в СССР" (то же издание). Книги были немедленно заменены другими экземплярами и выставка стала привлекать внимание советских беспартийных историков, входивших в состав делегации. Тогда Панкратова явилась лично на выставку и потребовала ее закрытия, но получила категорический отказ русских организаторов выставки. После этого она вызвала председателя Комитета Конгресса итальянского проф. Шабо и потребовала, чтобы он немедленно закрыл выставку, пригрозив в случае отказа отъездом советской делегации и дипломатическим протестом. Напуганный Шабо просил организаторов выставки перенести ее в отдаленный угол, где ее не видели бы посетители, но в ответ они сами закрыли свою выставку (дело происходило в последние дни Конгресса) и подняли в итальянской печати кампанию против наглости Панкратовой и трусости подхалима Шабо.

На XX-ом съезде партии Панкратова подверглась резкой критике Микояна за свои лживые исторические труды, босхваляющие гений Сталина. Еще более ее отщеккал Хрущев в своем докладе на закрытом заседании, хотя она выступила на Конгрессе с покаянной речью, где признала все свои лживые измышления и, в 59 лет, обещала "пересмотреть" все свои труды и исторические взгляды. Но с обычной у большевиков жестокостью старую холопку, переселенную в ЦК, стали третировать, понимая, что для новой "исторической" школы Хрущева нужны не столь скромпометированные своими прежними работами историки. Возможно, что это потрясло старую чекистку, очень нервную, что показало ее поведение в Риме меньше, чем за год до ее публичного покаяния на Конгрессе. Ее несколько отстранили от комиссарской должности при историках и звезда честолюбивой женщины стала закатываться. Возможно, что это способствовало той "продолжительной и тяжкой болезни", которая прекратила ее жалкую жизнь проститутки исторической науки, поставившей ее на потребу даже не научным доктринаам марксизма, а личному служению очередному диктатору.

Гроб Панкратовой был выставлен на два дня в Конференц-зале Академии Наук на Большой Калужской № 14. Сре-

ди венков с надписями "от ЦК КПСС", "от Верховного Совета" и др. обращал на себя внимание венок с надписью "дорогой Нюре Панкратовой от товарищей по Одесскому подполью", возложенный старой чекисткой из эпохи захвата Одессы большевиками А. С. Топоровской. Тело в гробу было набальзамировано. Ему пришел поклониться Лазарь Караганович. На гражданском митинге перед выносом стояли Булганин, Караганович, Маленков, Микоян, Молотов, Сабуров, Фурцева, но бросалось в глаза отсутствие Хрущева, Суслова и Первухина. Вместо кремации и почетного места урне в Кремлевской стене Панкратову похоронили на коммунистической площадке Новодевичьего кладбища ("похороны по второму разряду"), причем на кладбище не было никого из членов ЦК, а выступали одни партийные историки и личные друзья, как упомянутая Топоровская и ее спутник по поездке в Рим А. Л. Сидоров, который явно претендует теперь на роль ее преемника по надзору за советскими историками их поведением и трудами.

Из событий в жизни московской патриархии хочется прежде всего отметить странный ответ патриарха на поздравление, принесенное ему митрополитом Николаем от лица всей Церкви за победы в Богоявленском Патриаршем Соборе 12/25 февраля по случаю дня Ангела Патриарха. Николай восхвалял все труды патриарха за истекший год и в частности его беседы и переговоры с приезжавшими в СССР иностранными делегациями. Благодаря митрополита Николая за приветствие, патриарх между прочим сказал "...выражаю благодарность... особенно митрополиту Николаю, который, говоря сейчас здесь о моей деятельности, преувеличил мою роль. Все богословские беседы с посещавшими нас гостями не мной велись, но митрополитом Николаем. Все, что юн говорил сейчас обо мне, относится к нему, и я все это сказанное перекладываю на него..."

Эти слова лукавого архиепископа имеют глубокий и нам неясный смысл: предчувствую скорую кончину, хочет ли 80-летний патриарх свою перед Богом и паствой ответственность за свои преступления, лжесвидетельства и предательства над Церковью Божией переложить на чужие плечи? Выражают ли он свое несогласие с той линией, которую проводит по приказу Хрущева митрополит Николай? Боится ли этот трусливый по природе человек, который, еще управляемый в 1927-29 г.г. по возращении из ссылки столичной епархии, не нашел других методов для борьбы с обновленцами, как поддержка ленинградского обл. ГПУ, вырвав у обновленцев монополию сотрудничества с чекистами? Боится ли он, что Хрущев попрекнет патриархию за некоторые беседы с иностранцами, появившимися в западной печати, и заранее спешит публично от них отречься, подводя под гнев ЦК КПСС своего помощника?

Во всяком случае всех присутствующих поразило трусливое и недостойное стремление патриарха снять с себя ответственность за беседы с иностранцами, которые всегда вел он сам или Николай от его имени.

Странное впечатление производит "скоропостижная кончина" 3-го февраля с. г. архиепископа Антония Станиславского и Коломыйского (в миру Антона Андреевича Пельвецкого), которому 27-го января минуло 60 лет. Он с загадочно умершим в Киеве 9-го октября 1955 года епископом Михаилом (Мельником) были главными сподвижниками убитого бандеровцами во Львове прот. Костельника по воссоединению униатов, затем он был епископом пограничной епархии, где постоянно лояльно лиц, нелегально переходящих греко-католическую и венгерскую границы и все духовенство из бывших католиков всегда на подозрении у органов МВД пограничной полосы. На этого архиерея — бывшего католического священника, совершившего свое образование в фашистском Риме в 1923 году, смотрели всегда с опаской. Из некролога знаем, как торжественно он отпраздновал свое 60-летие и еще за несколько часов до кончины занимался приемом просителей, после которого скончался ночью. На кладбище надгробное слово произнес недавно хиротонисанный епископ Григорий Дрогобычский и Самборский, темную личность которого я охарактеризовал, сообщая о его хиротонии.

Политическая Хроника

ОБРАЩЕНИЕ К АМЕРИКАНЦАМ

Нам пишут из Нью-Йорка:

Группа русских политических и общественных деятелей опубликовала здесь обращение к американскому общественному мнению, вызванное той беседой американских журналистов с Хрущевым, которая была передана по американской телевизионной сети.

Авторы обращения обратили особое внимание на слова Хрущева о том, что между коммунистической диктатурой в России и русским народом, якобы, не существует никаких "противоречий". Они напомнили американцам все преступления этой диктатуры и, в частности, преступления самого Хрущева, как его активное участие в коллективизации деревни и проч. Они призвали американцев стремиться к освобождению всех народов, порабощенных коммунистами, и, в первую очередь, русского народа — первой жертвы коммунистических поработителей.

Это обращение, которое было отмечено всей ведущей американской прессы, во главе с "Нью-Йорк Таймс", и включено в программы американских радиостанций и телевизионных передач, подписали: А. Л. Толстая, С. Л. Войчеховский, Л. Л. Nikolaevsky, Б. В. Сергиевский, И. И. Сикорский и проф. Л. П. Смирнов.

ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ "РЕФОРМИЗМА"

Нам пишут из Мюнхена:

В русских эмигрантских кругах в Западной Германии растет движение в пользу решительного осуждения того "реформизма", который был проявлен состоявшимся в Гааге, по почину НТС, "Конгрессом за Права и Свободу в России". В состав инициативной группы в Мюнхене, возглавляющей это движение и призывающей русскую эмиграцию к бойкоту всех тех участников Гаагского Конгресса, которые не осудят его позиции, вошли, между прочим: председатель СБОНР-а полк. Антонов, бывший начальник канцелярии генерала Власова полк. Кромиади, представитель Комитета Объединенных Власовцев барон Вольф, представитель Союза Берльбы за Свободу России Михайловский, сам бывший первоначально членом организационного комитета Конгресса и др. В инициативной группе участвуют также и некоторые бывшие члены НТС, порвавшие с этой организацией, напр. Мамуков.

RADIO NACIONAL

710 килоцикл.

Специальная передача посвященная годовщине ПОЛТАВСКОГО БОЯ 10 июля с. г. от 19 до 19.30 час.

28 июля с. г. от 18 до 19 час.

Специальная передача посвященная ДНЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Внимательно слея за поездками по епархии советских архиереев, рад отмечать случаи открытия новых храмов: архиепископ Иоанн Алма-Атинский и Казахстанский при посещении города Джамбула служил в Успенском соборе этого города и в Покровской церкви местечка, выросшего около нового сахарного завода. Если не оба, то во всяком случае второй из этих храмов выстроен теперь новыми поселенцами Казахстана. Зато с болью в сердце я прочел, что епископ Мстислав Великолукский служил в "храме древнего города" Торопца, а архиепископ Владимирский и Сузdalский Ониким — в "храме города Мурома". Отсюда ясно, что в этих древних русских городах разрушены все многочисленные храмы, кроме одного, а между тем, проезжая через Муром только 20 лет тому назад, я из окна вагона любовался древним монастырем благоверных князей Петра и Февронии Муромских, мысленно прося их небесного заступничества на моем легком тогда советском жизненном пути.

Алексей Ростов

Др. А. К.

НЕВЫЯСНИВШИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ

(Продолжение)

II

Российская политическая эмиграция несомненно находится в большей или меньшей степени духовной и физической усталости, с сопутствующими этой усталости "солидаристскими", "казакийскими" и прочими уродствами. До некоторой степени все это мы понимаем и в том смысле, что с приближением рассвета, окружающая нас тьма становится все гуще и гуще.

Трагедия какой-то части эмиграции — не в отсутствии путей, а в неумении, а подчас и нежелании увидеть свой истинный, прямой путь. Ибо то, что было ясно людям, впитавшим в себя живую силу Русской Идеи, и идею эту перенесшим за рубежи России, — для людей, растративших или вообще неприобщившихся этой идеи в силу тех или иных причин (оторванность от родной почвы, мировое расечение, бесправие, влияние внешних факторов по местожительству и т. д.), — путь этот подчас трудно заметен. Да и для самых стойких из нас, не казалася ли иногда этот путь почти безнадежным в свете повсеместного торжества того, что с этим прямым русским путем органически несовместимо и враждебно? Но как бы этот путь и ни казался тяжек, он — наша единственная политическая реальность, и мы должны идти по этому пути прямо и неукоснительно, ибо только в этом случае мы — не изгои, а политическая эмиграция, не нищие, а люди с историческим и государственным прошлым. И как мы уже видели, и неизменно увидим и в будущем, искание "новых" путей в условиях нашего зарубежного бесправия и пр., и приведет нас:

- 1) или к отрыву от единственно реальной политической почвы, на которой только мы и можем стоять обеими ногами, с логическим завершением такого отрыва в сторону денационализации и растворения в быту по "американских граждан русского происхождения";
- 2) или к вырождению во всевозможных партийных сектантствах, "левых", "правых", "казакийских", "солидаристских", "младороссийских" — и пр., и пр.;
- 3) или же на путь врагов России, с врагами России, и против России.

Таковыми представляются нам три основных возможности потери нами прямого русского пути, не говоря уже о других болезненных явлениях того или иного порядка. Все эти неблагоприятные, сопутствующие нашему зарубежному бытию моменты, отнюдь не обещают улучшения. Наоборот, чем ближе конец, явления эти будут все более и более обостряться, и не от "свободного мира" ожидать нам помощи, а от всемилостивого Господа Бога и самих себя. И сохранив себя в русской правде, мы тем самым творим государственное русское дело.

И вот теперь, недавно, в этой окружившей нас со всех сторон и все более и более сгущающейся предрассветной тьме прозвучал громкий и полный уверенности в своей правде голос, призвавший нас вернуться или сохранить себя на исконных русских путях. Это был голос Главы Российского Императорского Дома, Великого Князя ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА. И в сердцах нелукавых, честных россиян по обе стороны Железного Занавеса, голос этот нашел и должен был найти животворящий и облагораживающий отклик, напомнив нам не о разъединяющем нас рассеянии, мельчащим нас на безымянные молекулы, не о нашем бесправии и обездоленности, не о нашей потерянности в холодном, механизированном мире, а о нашем долгге и чести, о нашем историческом и духовном братстве, о нашем всероссийском братстве, и о исконном русском пути. И для этих честных и нелукавых русских людей, к которым обращался Великий Князь, которые и представляют подавляющее большинство Зарубежья, но тем не менее являются и наиболее бесправными и угнетенными пред лицом современных мировых правил по обе стороны Железного Занавеса, голос Великого Князя, его призыв, прозвучал во всей его реальной, величавой скромности и простоте: таков всегда голос истины, и "имеющие уши слышать — да слышут"...

При всей простоте нашей национальной доктрины, она требует органического и глубинного уяснения в свете всего нашего духовного и государственного опыта, и тем труднее ее кому бы то ни было навязывать, как "само собой разумеющуюся". И может ли быть что-либо более неблагодарное, чем "открытие глаз" и объяснение совершенно очевидных вещей, очевидных не только для тех, кто эту очевидность приемлет глубинно, но подчас и для тех, кто ее отрицает формально в силу тех или иных причин. Первые ни в каком объяснении не нуждаются, а вторым никакие объяснения не помогут. И те, кто России не знал или знал очень мало, могут судить сами по себе, какую огромную нужно было проделать работу, чтобы почувствовать и понять — что такое Россия!

И в силу тех или иных причин, разве мало недопонявших, склонных верить в те суррогаты, которые преподносят им под именем России, но с мельчайшей, едва заметной надписью на обложке "Made in Germany" или "Made in U.S.A."? И если к этим недопонявшим присовокупить какую-то весьма немалую часть духовно уставших, то картина получится полней. Это — вполне реальная усталость от сознания кажущаяся безвыходности нашего пути, от невозможности делать что-либо более активно, и делать так, чтобы почувствовать какие-то "ощущимые" результаты от этой работы, что и влило бы в нас новые силы для новых начинаний.

Отсюда и вербуются кадры зарубежных партий, и их вольных или невольных вспомоществователей, доброжелателей и пропагандистов. Эти недопонявшие Русскую Идею и духовно-уставшие от "бездействия" нашей зарубежной жизни, и являются главным пополнением кадров бывших и будущих зарубежных "политических" партий. Это, подчас, вполне добронамеренные и доброжелательные элементы, стремящиеся искренне и в самом лучшем смысле этого слова, к какой-то деятельности, под видом которой им и преподносят вышеупомянутые суррогаты, каковые многие из них так и не успевают ни рассмотреть получше, ни понять.

Картина партийного набора в Зарубежье будет неполной, если мы не скажем пару слов о том слове, без которого не обходится ни одно человеческое общество. Это — никогда непереводящийся и неискоренимый в человечестве слой полуинтеллигенции, из которого и вербуют своих адептов всевозможные "вожди" испокон века. Эта пропаганда Зарубежья как раз менее всех остальных знает Россию, и менее всех стремится ее узнать, или же узнать ее из весьма сомнительных демагогических источников. И недопонятность, а иногда и искажение Русской Идеи, подчас же — и полное невежество, к нему относится в еще большей степени. Случись эта недопонятность на живой русской почве, она бы могла со временем обратиться и в нечто другое; условия же зарубежной жизни никоим образом не способствуют облагораживанию и просвещению этой недопонятости, а, наоборот, ведут к еще большему ее углублению.

Итак, предпосылки для партийного вырождения Зарубежья следующие:

- 1) духовно-уставшие, недопонявшие и изверившиеся;
- 2) полуинтеллигенция, обездоленная и деклассированная, потерявшая или теряющая свое русское обличье;
- 3) наличие в "свободном мире" каких-то кругов, заинтересованных в том, чтобы как-то организовать эту полуинтеллигентскую часть эмиграции в "политическую партию", и тем самым противопоставить ее истинно-патриотической части эмиграции (духовной ее элии), весьма немногочисленной, но тем не менее наиболее стойкой и не идущей ни на какие сговоры с врагами России, под каким бы видом последние не являлись, будь-то "раскаявшиеся" чекисты, нацисты, представители различных американских "частных" обществ (тайных и явных), всевозможных деятелей рузельто-ачессоновского типа и пр., и пр.

Так, во время нацистского засилия, мы и видим самых несомненных наших партийцев — "солидаристов" в услуге Восточного Министерства Розен-

берга, а с переменой декораций — перешедшими в услужение всевозможных "частных" американских обществ. Говоря об этих кругах, мы сразу же и должны установить, что им существенно важно как можно больше затянуть и запутать отношения между двумя мирами в прошлом, настоящем и, особенно, — будущем. Эти круги для своих целей не гнушаются ничем и вербуют любой человеческий материал. Этот человеческий материал, как мы видим, особым образом благородством черт духовных своих физиономий не отличается, начиная от преддверия революции в России, и кончая современными нам событиями. Достаточно взглянуть на весь "буket" этих физиономий деятелей революций — от декабристов до современных чекистов. Солидаристы неспроста называют себя "потомками декабристов". Сказано громко и ясно. Но если это сказано для Русского и других, изымающих под гнетом тех же потомков декабристов, народов, то надо полагать, что им никакие декабристы или их потомки не подойдут. Но беда вся в том, что господа доктринеры о народе меньше всего и пекутся, говорил же Гегель, что "горе фактам, если они не укладываются в доктрины". А так как Русский и другие порабощенные народы, со всей несомненной очевидностью, не уложились в рамки марксистской доктрины и никогда не уложятся, то надо полагать, что не уложатся они и в рамках доктрины "солидаристской", (если их о том честно спросят), тем паче, что последняя со всем откровенным цинизмом и претендует на "почетное" потомство от декабристов, списавших слово в слово Американскую конституцию того времени (150 лет тому назад Америка, современные САСШ, была на заре своей политической жизни), и решивших нарядить в этот кафтан с чужого плеча Российские народы, не останавливаясь даже перед таким "конституционным" мероприятием, как убийство, Богом и законами данного России, Царя...

Однако, в конечном итоге, кафтан этот на Русский народ натянули, и через все последние 150 лет российской и мировой истории протянулась кровавая нить генеральной линии пан-демократии. Но, тем не менее, и несмотря на повсеместное торжество этой линии, в наше время становится все более и более ясным, что золотой век демократии близится к своему закату. Из всех прорех государственной и прочей практики современных демократий, как шило из мешка, выпирает жизненная правда. И не марксистская доктрина сломала Русский народ, а наоборот, Русский и другие порабощенные народы, ломают, а в конце концов и доломают марксистскую доктрину. И не только за Железным Занавесом, но и на родине демократии — на Западе, мы наблюдаем повсеместные эти прорехи, которые становятся все трудней и трудней латать. И на примере современной Франции, которая вот уже полтора века исходит муками демократии, но так и не разрешилась от этого грешного бремени, видим мы несомненное стремление к воззванию на органические национальные пути, на каковых мы и знаем Францию, как "прекрасную", и как великое мировое государство, и на каковых путях она только вновь и обретет себя.

Мы несомненно переживаем эпоху критической переоценки "нетленных" ценностей демократии, столь стройных на бумаге, и оказавшихся столь беспомощными в практическом претворении. И эта переоценка интересна особенно тем, что она проходит не за закрытыми дверями академических кабинетов, а в реальной жизни народов. И побеждает эта жизненная правда, не уложившаяся в рамки ни одной доктрины. И, как вешины воды ломают сковывающий их ледяной покров, так и эта жизненная правда сломает узкие рамки доктрины. Тот же Гегель, кажется, так и сказал что "факты — упрямая вещь".

Тем не менее, тайные рычаги мировой демократии еще сильны, и еще действуют. И периоду штурм-унд-дранга возрождающейся жизненной правды предстоит жестокая и длительная борьба.

Но не в силе Бог, а в правде.

Что же нужно нам, россиянам, в преддверии этой весны? Будем ли мы забывать головы ошметками поблеклых знамен демократии и возводить свою политическую родословную от пестелей и муравьевых-апостолов? Десять лет тому назад С. Мельгунов указал на 1960 год, как на последний год комму-

низма в России. Но С. Мельгунов, хотя и ученый историк, но он же — и народный социалист, и рассуждает доктринально и академически, рассматривая коммунизм, как своего политического конкурента, и в свете его, коммунизма, доктринальной несостоятельности, пророчит ему и доктринальную смерть. Тем не менее, С. Мельгунов, может быть, прав в смысле сроков, но не в смысле причин гибели коммунизма, который был уже мертвожденной доктриной в своей еще академической фазе, и вообще задолго до его практического применения в жизни, но который просуществовал вот уже сорок лет.. И, если бы дело было только в доктринах, то здравствовать бы ему и далее, так сказать, рассудку вопреки и наперекор стихиям — Божеской и человеческой. Значение коммунизма вовсе не в его доктринальности: Мы можем лишь напомнить слова Ю. Марголина, понявшего истинное назначение коммунизма, и сказавшего, что "коммунизм — не ошибка, а система". И мы добавим: система мировая.

И глубоко заблуждаются те, кто грядущие события рассматривает в свете каких бы то ни было доктрин и в продолжении вышеупомянутой генеральной линии в том или ином виде, за хвост которой они ицепляются руками и зубами в надежде, что она их прорастит в "российские просторы", во имя каких-то новых экспериментов над Русским народом.

Та тенденция к смычке с представителями "раскаявшихся" и нераскаявшихся советского аппарата, наблюдавшаяся ныне у "солидаристов" — (тут они действительно солидаристы, и не в этом ли истинный смысл самого этого имени?) — отчасти вскрывается в свете досужих рассуждений Джемса Бернхема и пущенной им, не без участия "солидаристов" ходкой теории, что "революция в СССР изойдет от партийной верхушки"... Все эти рассуждения и изданы были "Посевом" под видом целой доктрины. Государственный Секретарь САСШ Даллес, тоже весьма созвучен вышеупомянутой теории, утверждал в СССР "прогрессивную либерализацию в течение ближайших десяти лет". И если к этому присовокупить пресловутую "молекулярную" теорию "солидаристов", то картина получается вполне законченной, вскрывая не только общий всем им логический ход мыслей, но и первоисточники этих мыслей. И все эти "теории" отражают с достаточной ясностью истинное отношение Запада к порабощенной России: Запад никогда, за все эти сорок трагических лет, не обращался к Русскому и Российским народам, а через их головы, сговаривался с их поработителями. И, как видно из вышеуказанных "теорий", намерен и далее сговариваться. И вслед за своими духовными и денежными хозяевами, "российские солидаристы" советский аппарат и рассматривают, как своих будущих союзников (марксистскую политграмоту г-да "российские солидаристы" усваивают с молоком матери), прошедших за все эти сорок лет серьезную выучку сталинской администрации, непрвзойденной никем в истории в искусстве угнетения в "стране осуществленного социализма", и... еще неосуществленного "солидаризма".

Мы же глубоко верим в то, что и зарубежная и подъяремная Россия имели и имеют и сейчас своих людей, мыслящих категориями государственного и национального блага для России, и их никакими "молекулярными" теориями за них не проведешь. Таковые люди имеются, где явно, а где подспудно — и здесь, и там. И они себе в достаточной мере уясняют грозящую России опасность.

И, как мы уже указали выше, Глава Российского Императорского Дома, Великий Князь ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ, совсем недавно обращался именно к этим "русским людям" и "русским военачальникам"... И мы глубоко верим и знаем, что таковые РУССКИЕ люди есть — и здесь, и там. И мы полагаем, что та метла, которой будет вычищен Российский Дом от всякой международной, марксистской, "солидаристской" и прочей нечисти и нежити — уже заготовлена впрок.

Проф. И. А. Ильин говорит о "новой, грядущей России", восстановливающейся на путях религиозного и нравственного очищения и самобытного творческого процесса. И наше дело за Рубежом, а также и по ту сторону Железного Занавеса, мы и видим в нелукав-

Проф. М. В. Зызыкин

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И ВОЕННЫЙ ЗАГОВОР

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

ПРЕДСЛОВИЕ К НАХОДЯЩЕЙСЯ В ПЕЧАТИ КНИГЕ

Мысль об освобождении Балканского полуострова от турок не была мимолетной, что показывают многочисленные письма Императора Николая I к разным лицам, между прочим, и к генералу Паскевичу в августе 1853 года, а также и к французскому послу Кастельбажаку, где он выражает уверенность в слабости Султана; выражает все распространенную веру христиан в свою силу для низвержения сultанского трона. В этом он, конечно, оставляя свою легитимную теорию и был поддержан московскими профессорами и публицистами Шевыревым и Погодиным.

Так, он писал в июле 1853 года Императору Францу Иосифу: “Мы будем иметь тогда соседями маленькие государства, которые будут управляться по своим обычаям, под руководством правителей их крови, которые будут нуждаться только в нашем общем покровительстве, чтобы существовать и не будут никого бояться”. Такова же и устная инструкция Нессельроде князю Меншикову, отправленному чрезвычайным послом в Турцию, писанная со слов Императора Николая I, что Болгария и Сербия должны быть независимыми государствами, а Константинополь – вольным городом; Крит и Архипелаг отводились Франции, Адрианополь – Австро-Венгрии, Египет и Кипр – Англии. (Шиман. Т. 4, стр. 282, 292). (Грюнвальд, стр. 281).

*
Чувство долга было всегда и оставалось до конца жизни превалирующим в жизни Императора. Еще 12-го февраля он почувствовал себя плохо. Доктор Мандт сказал, что известие о поражении войск под Евпаторией, нанесло последний удар его здоровью. “Сколько жизней принесено в жертву напрасно”, – жаловался Император, говоря о “своих бедных солдатах”.

С этого момента он поручил своему сыну, Наследнику, ведение всех текущих дел, в особенности невоенного характера.

Характерно впечатление А. Ф. Тютчевой, фрейлины, о присутствии Императора в последний раз на богослужении: “К обедне пришел Император в малую церковь в Зимнем Дворце. Стоя очень близко от него в церкви, я была поражена происшедшем в нем за последнее

время огромной переменой. Вид у него подавленный; страдание избороздило его лицо, но никогда он не был так красив: надменное выражение смягчилось; крайняя бледность, особенно выделяющая изумительную правильность черт его лица, придает ему вид античной мраморной статуи. При виде того, с каким страдальческим и сосредоточенным видом он молится, нельзя не испытывать почтительного и скорбного сочувствия к этой высоте величия и могущества, унженных и поверженных лиц перед Богом”.

17-го февраля Император едет простились с отправляющимся на войну полком. Холодно. Доктор Мандт предупреждает Государя, что он сильно рискует при состоянии его легких. “Дорогой Мандт, – отвечает Государь, – вы исполнили ваш долг, предупредив меня, а теперь я исполню свой”, и едет в манеж. В результате грипп резко ухудшается, наступает тяжелая болезнь, переходящая в предсмертную агонию.

Умирающий Император лежал в своем малом кабинете, в нижнем этаже Зимнего Дворца, выходящем на Дворцовую площадь, откуда обычно видно было четыре свечи на письменном столе Императора, каждое утро сидевшего над бумагами в течение нескольких часов. Теперь, 18-го февраля, он не сочивал еще опасности для жизни и считал свою болезнь скоро преходящей. Но Доктор Мандт предупредил его, что дело идет плохо, что надо позвать священника. Император посмотрел испытующим взглядом на доктора и спросил его: “Значит – это смерть?”. Доктор не решился ответить, но через несколько минут сказал: “Вы имеете, Ваше Величество, перед собой только несколько часов”. Император исповедовался с величайшей набожностью. Вся семья собралась вокруг его постели. Он благословил всех своих детей и внуков и сказал им затем: “Теперь надо оставить меня одного, чтоб приготовиться к высшему последнему моменту”.

Императрица, Наследник и доктор остались подле Императора. Страдания усиливались, но он сохранил всю ясность своего ума. Он призвал Орлова, Адлерберга и Василия Долгорукова,

чтобы проститься с ними. Затем вызвал несколько гренадеров, чтобы проститься с их товарищами. Он просил Наследника проститься за него с Гвардией, с армией и особенно с героическими защитниками Севастополя. “Скажи им, что в другом мире я буду продолжать молиться за них. Я благодарю Гвардию, которая спасла Россию 14-го декабря”. “Я благодарю верную армию, я всегда любил вас всем сердцем, я всегда старался улучшить ваше положение и если не успел в этом, то только по недостатку сил и времени”, – сказал он гренадерам.

В 5 часов утра Император продиктовал прощальную телеграмму в Москву, затем приказал телеграфировать в Варшаву и королю Прусско му, прося его помнить о завещании его отца оставаться всегда верным союзу с Россией. Затем он созвал в залу дворца все полки Гвардии для того, чтобы они могли принести присягу Наследнику в тот момент, когда он испустит последний вздох.

Когда заря поднималась Император стал страдать все сильнее и сильнее. Началась агония и в 8 часов 20 минут священник начал читать отходную молитву. Император молился и все время крестился. В 10 часов Императрица закрыла ему глаза собственными руками. После отходной молитвы он обратился к Наследнику твердым голосом, с энергичным движением руки, и успел сказать: “Держи все, держи все”.

Тютчева далее пишет, что она пошла в часовню, где в последний раз молились за здоровье Императора. Вошел адъютант Огарев и сказал: “Все кончено”.

Из всего вышеизложенного явствует, что ни о каком отравлении или самоотравлении Государя, о котором ходили упорные слухи, речи быть не может, с чем согласны все историки и Грюнвальд, последний исследователь. Это была величественная, истинно христианская кончина.

*
Император Николай I вознес самодер жавие на недосыпаемую высоту. Будучи далек от колебаний между разными верованиями, он связал тесно царский трон с церковью и ее моралью. Своей абсолютной прямотой и искренностью, фанатической верностью данному слову он возвысил нравственный авторитет монарха. Его неудача в Крымской кампании была злостно преувеличена русской интелигенцией. Что же случилось на самом деле? Союзниками взята была северная часть Севастополя.

Но надо же принять во внимание отдаленность военных действий от центра при отсутствии железнодорожных и всяких других дорог. Так что русские успели выставить только 110.000 ч. при наличии 170.000 союзных войск, при правильном морском подвозе. Что касается части русской армии, то надо принять во внимание свидетельство английского корреспондента “Дейли Ньюс”, который, сопровождая английские войска в Крыму, описывает сосредоточие английского экспедиционного корпуса в Барне, десант его в Евпатории, сражение при Альме, обложение Севастополя, давая несколько иной облик Николаевской России, чем тот, который полагалось изображать по надолго упрочившейся интеллигентской формуле.

На каждом шагу он изображает неумелость, невероятную небрежность, нераспорядительность, неподготовленность военных и гражданских английских властей. Он пишет о потрясающем отсутствии какой-либо санитарной организации. На поле сражения при Альме, в свежую сентябрьскую ночь, погибли без всякой помощи тысячи раненых английских солдат. С горечью добавляет английский автор, что помощь эта была бы оказана им, если бы поле сражения осталось за русскими, имеющими в своем распоряжении надлежащую военно-медицинскую силу. Мы, русские, казались автору образцом умелости, толковости, ловкости, благородства и заботливости. Всякий раз, когда он неготовил на беспорядок среди англичан, он всякий раз противопоставлял ему русский порядок. Ведь русские на его собственных глазах создали совершенно из ничего могущественную крепость и защищали ее не только с великим мужеством, но и с огромным искусством (П. Муратов. “Иная Америка” в “Возрождении”). Авторитета монарха, возвышенного Императором Николаем I, хватило на то, чтобы освободить крестьян от крепостного права в 1861 году, сломив большинство дворянской оппозиции в Государственном Совете, и начать то, что называется эпохой великих реформ. Также хватило авторитета и на то, чтобы в 1870 году односторонне разорвать условия Парижского мира, заключенного в марте 1856 года, заключавшее в себе обязательство не строить крепостей на берегах Черного моря и не восстанавливать Черноморский флот. А в 1878 году было восстановлено право участия России в покровительстве христианским подданным султана.

Проф. М. В. Зызыкин

Михаил Бойков

НА ВЕТЕР!

Недавно московская “Литературная Газета” опубликовала большую статью З. Александровой “Дороги ведут в Москву”. В ней описывается, как идет подготовка к коммунистическому Шестому всемирному фестивалю молодежи и студентов, который должен состояться в Москве с 28 июля по 11 августа с. г. Для того, чтобы написать эту статью, корреспондентка “Литературной Газеты” опросила ряд сотрудников Между-

народного подготовительного комитета. Вот что они ей сообщили:

“Тридцать тысяч юношей и девушек из-за рубежа ожидают в Москве. Во многих странах, например, в Аргентине, Чили, Новой Зеландии, во Французской Экваториальной Африке созданы национальные комитеты по подготовке к фестивалю. В Москву хотят приехать студенты из Мексики и с Цейлона, спортсмены Непала, члены Союза демократической молодежи Камеруна, студенты-католики (?) из бельгийского города Лувена – всех не перечесть. Но не только из-за рубежа будут пролегать дороги в фестивальную Москву. Кроме 30.000 иностранных делегатов, гостями столицы будут еще 80.000 наших земляков – юношей и девушек из союзных республик, отличившихся в труде и учении, победителей разных конкурсов на местах...”

— Где взять средства на их проезд? – задала вопрос З. Александрова.

Один из сотрудников подготовительного комитета, коммунист Жан Гарсиа

ответил ей так:

“– Решено создать всемирный фонд фестиваля и с этой целью начать повсюду кампанию по сбору средств. Средства эти помогут облегчить поездку части делегатов в Москву и, главное, обеспечить широкое участие в фестивале молодежи из колониальных стран. Из чего же составится фестивальный фонд? Каждый человек может сделать взносы из своего заработка или сбережений. Но это, конечно, не основное. Средства в фонд фестиваля будут поступать путем распространения лотерейных билетов, значков, плакатов, марок, открыток, организаций концертов и вечеров с участием лауреатов предыдущих фестивалей, киносеансов и т. п. Молодежь надеется, что видные об-

щественные деятели, правительственные и общественные организации также окажут посильную помощь в сборе средств. С другой стороны, поможет сама молодежь. Приведем два примера: юноши и девушки Финляндии взяли шефство над своими друзьями из Сенегала, голландская молодежь предлагает шефство над молодежью Антильских островов”.

Дав такой ответ, Жан Гарсиа ввел в заблуждение и корреспондентку “Литературной Газеты”, и ее читателей. Подготовительным комитетом подсчитано, что для перевозки делегатов фестиваля от границ СССР до Москвы нужно не менее девяноста пассажирских поездов. А сколько потребуется поездов, пароходов и аэропланов до границ Советского Союза? Сколько миллионов рублей будет истрачено на содержание 110-тысячной оравы участников коммунистического фестиваля в течение 15 дней в Москве, на их прокормление, выпивку, жилища, на полицейскую слежку за ними и обучение их на краткосрочных курсах коммунистической молодежи? Советские газеты пишут, что каждому участнику фестиваля будет вручен “подарок на память” и не какой-нибудь значок, а ценный сувенир вроде фарфоровой вазы, бронзовой статуэтки или палехской шкатулки. Сейчас изготовлением таких сувениров занято в Советском Союзе большинство фабрик, мастерских и ателье художественной продукции.

Кто же за все это будет платить? Правдивого ответа на такой вопрос ни в одной коммунистической газете не найдешь. Но каждому здравомыслящему человеку ясно, что для такого фестиваля лотереями, пожертвованиями, концертами, продажей значков и т. п. денег и за сто лет собрать невозможно. Кто же платит? В СССР платильщик один – многогранный советский гражданин, которого самозваное

коммунистическое правительство давно привыкло грабить. Нужен ли ему фестиваль с миллионными расходами, на какие ни один русский царь никогда не решался? Если об этом спросить рядового колхозника или городского обывателя, то они наверняка ответят:

— Где уж тут фестивали устраивать при наших недостатках. Нам бы хлеба немножко побольше, да одеться как-нибудь...

Много места в статье З. Александровой уделено декорированию к дням фестиваля Москвы и ведущих к ней железных и автомобильных дорог:

“На железнодорожных откосах будут выложены национальные орнаменты тех союзных республик, территории которых пойдут поезда. Иначе, чем всегда, будут выглядеть и дорожные указатели. О том, сколько километров остается до Москвы, делегаты, следующие по железной дороге с запада, по замыслу художников, узнают по плакатам, изображающим трех ребят: белого, желтого и черного. В руках у них большущий чемодан с наклейками пяти фестивальных городов и цифрами километров... Оригинально задумано художниками и оформление автомагистралей, ведущих к Москве. На одной из них гостей встретят фигуры юноши и девушки в национальной русской одежде с традиционным хлебом-солью в руках. А на другой автомагистрали мы увидим деревянные макеты вятских игрушек – матрешки и ваньки-встаньки держат под уздцы коньков-горбунков... При посадке на московские аэродромы делегатов ждет сюрприз – они увидят на земле большую эмблему фестиваля: цветок с пятью лепестками... над центральным стадионом имени В. И. Ленина высоко в небе будет парить аэрростат – белый голубь, символ мира, дружбы и братства народов”.

вом и нелицеприятном служении самобытной, великой России, и в укреплении в нас духовных сил на путях этого служения. И мы твердо верим, и с сожалением устанавливаем, что псевдопатриотическая и псевдонаучная пустозвонная фразеология наших зарубежных партий, а прежде всего “партии российских солидаристов”, к истинному русскому делу никакого отношения не имеет, а если и имеет, то только отрицательное. И если она кому-нибудь и представляется, как какая-то “деятельность”, то только лишь наменее стойким, забывающим свою принадлежность к народу великой самобытной культуры, и теряющим свои исконные русские пути.

Вот это потерянное наше лицо и русское духовное обличье, мы и должны найти, а кто его имеет – блисти, как зеницу ока. И эти пути мы и найдем в свете пережитого огромного, и на редкость ценного и глубокого опыта, который подлинно позволяет “поставить вещи на свои места”, т. е. восстановить истинную иерархию ценностей так, чтобы мы опять поняли, для чего стоит жить, и ради чего стоит умереть.

Др. А. К.

Н. Потоцкий

Из книг, ставших редкостью

Передо мною небольшая книжка А. Киреева: "Краткое изложение славяно-фильского учения", изданная в 1896 году и ставшая ныне библиографической редкостью. На книжной полке народных монархистов она должна была бы занять почетное место, ибо изложенные в ней основы славянофильской идеологии, в той их части, которая относится к проблеме о форме верховной власти, поразительно созвучны со многими и многими нашими идеями чистого и подлинного российского монархизма, под которым мы понимаем утверждение об органической слияности Русского народного духа и жизненных интересов Российской Нации с идеей Православного, Законного, Самодержавного и Народного Монарха. Поэтому не могу удержаться, чтобы не процитировать некоторые интересные в этом отношении пассажи этой книги, одной из немногих, которые, к стыду нашему, так немногочисленны в нашей монархической библиотеке.

"Самодержавие бывает трех типов: 1) Самодержавие типа бюрократического (полицейское государство) с формулой "Государство, это — я"; 2) Самодержавие типа славянофильского, с формулой — "много умов и одна воля" и 3) Самодержавие типа западнического, с формулой "много умов и много волй" (современный парламентаризм разных видов и степеней)".

"Сторонниками первого вида Самодержавия являются защитники во что бы то ни стало существующего в данную минуту положения дел, поклонники "всего существующего" и в Церкви, и в обществе, и в государстве: они готовы отвергать самые очевидные факты, если эти факты идут вразрез с их скрытым оптимизмом (как некоторые из них отвергали, например, существование последнего голода, свирепствовавшего в 17 губерниях). Это представители и сторонники так называемого просвещенного бюрократизма; их идеал — административный, просвещенный абсолютизм (полицейское государство), считающий народ, общество, находящееся вне правительственные сфер, неспособным указать на свои потребности, духовные или материальные, неспособным дать умный совет. Они группируются не столько около какой-либо государственной мысли, ка-

кой-нибудь научной теории или системы, сколько около фактов, около "существующего", принимая иногда неподвижное болото за непоколебимую скалу. Как на образец наилучшего государства, они указывают на Францию Людовика XIV, на Пруссию Фридриха Великого. Они забывают, что великие люди — счастливая и исключительная случайность, при каком бы то ни было образе правления, что для того, чтобы быть Кольбером или Бисмарком, недостаточно быть министром или канцлером. У нас этот строй введен Петром Великим. В Европе он уже отживает свой век. Значение его — временное, преходящее; и так как он не соответствует какой-либо научной системе положительного характера, то с представителями его, которые, впрочем, могут быть и очень достойными людьми, нет ни возможности, ни причины спорить".

"Итак, остаются две формулы и два типа государственного устройства: славянофильское самодержавие и западническое народодержавие (парламентаризм). Мы должны их сравнить; но прежде всего необходимо отклонить одно обвинение против славянофильского государства, обвинение, состоящее в отождествлении этого государства с азиатскими despots, на том основании, что в последних нет парламента и вообще народного представительства, стало быть, они одинаковы! Это, правда, очень просто, но и очень неверно. Действительно, ни в том, ни в другом нет парламента, и верховная власть не связана никаким двусторонним договором с народом; но различия между ними принципиальная: despot не связан ничем, в основе его действий лежит лишь один полнейший произвол, а в славянофильском государстве Царь связан нравственностью свою совестью и, как христианский государь, царствующий над христианским народом, ответствен перед Богом и Церковью".

"В чем же собственно обвиняется самодержавие славянофильского типа? В том, отвечают западники, что оно "не гарантирует" народа ни от слепоты монарха, ни от его злой воли! Государь может быть разъединен со своим народом, он может не знать и не видеть того, что делается с его народом и делается, притом, — его же именем. Верно!

Специально к дням фестиваля главные московские улицы временно переименовываются в улицы Мира, Труда, Дружбы, Счастья, Спорта, Музыки и т. п.

"Само собою разумеется, — пишет З. Александрова, — что каждая из них будет оформлена в соответствии со своим новым именем. Например, на улице Любви (Садовая-Кудринская) мы увидим декоративную скульптуру Ромео и Джульетты, парус, натянутый между домами, с изображением Аполлона Бельведерского, служившего в древности образцом мужской красоты, и Си монетты Веспуччи, с которой Боттичелли писал свою "Весну".

Здесь кремлевские владыки решили временно подражать вкусам "гнилого Запада", учтя, что аляповатые скульптуры рабочих и колхозниц, установленные на сельскохозяйственной выставке, и слоноподобные гипсовые физкультурники всем давным-давно надоели и никто внимания не привлекут.

Статья о фестивале заканчивается следующим сентиментальным "предсказанием":

"Первого августа в десять часов утра многие тысячи делегатов собираются в юго-западном районе на тра лиционную фестивальную церемонию — посадку парка Дружбы. Пройдут годы, тонкие саженцы превратятся в могучие стволы, зашумят в этих местах лес, и деревья, посаженные руками молодых друзей мира, будут напоминать нашим потомкам о летней Москве 1957 года, о чудесном празднике юности и о вечных идеях братства и дружбы народов, которые вдохновляли его участников".

Все это было бы прекрасно, если бы за всем этим не скалились окровавленные зубы коммунизма — истребителя народов и душителя свободы. Московский фестиваль — один из этапов ком-

Ему зачастую преподносится специальная для него изготовленная истина. Он может быть отделен от своего народа непроницаемым для обоих частоколом своекорыстных или ограниченных временщиков. Да, верно и это!"

"Действительно, все это не только возможно, но и бывает; несомненно, однако, что по мере улучшения, облегчения непосредственных сношений Царя с народом, возможность этой "слепоты" постоянно уменьшается. Остается "злая воля". И она, конечно, возможна, но можно ли сомневаться в том, что и она становится все менее и менее вероятною? Ведь зла никто сознательно не желает; большую частью зло делают по недоразумению, по ошибке, или вследствие сообщения неверных сведений, так что и в этом случае вопрос сводится к незнанию фактов, к той же "слепоте". Что же касается до увеличения партийной борьбы, до желания сломить противника, отомстить ему, желания достигнуть каких-нибудь личных, своекорыстных целей и т. п. — то ведь эти искушения существуют для частных лиц, для самодержца же, стоящего вне и выше партий, этих искушений не существует. Во всяком случае и эта опасность становится все менее и менее возможной. Спорить об этом теоретически почти нельзя; но посмотрим на факты, возьмем для примера нас самих — Россию; за последние три столетия что мы видим? В настоящее время у нас, юридически, такое же неограниченное самодержавие как и при Иоанне Грозном. Права Верховной Власти столь же полны, как и прежде, однако же никто не станет уверять серьезно, что и фактически мы в том же положении, как и прежде. Никакой пессимист не решится утверждать, что все ужасное и дурное, происходившее не только при Грозном, но и при Петре Первом или Анне Иоанновне или Бироне, возможно и теперь? Конечно, нет; все это теперь невозможно и немыслимо; но почему? Не потому, что Государь связан какою-либо конституцией, каким-нибудь договором, а потому, что он находится в такой нравственной атмосфере и такой культурной среде, где он не может жаловать ничего такого, что могло быть при Бироне; не может и потому, что теперь и сами Малюты Скуратовы или Бироны невозможны; что теперь их не сыщешь, ежели бы кто-нибудь и захотел их разыскать. Тип временщика исчезает".

"Нельзя не видеть, не признавать в этом отношении немалой перемены к лучшему, совершенно независимо от каких бы то ни было бумажных гарантий, которым приписывается какое-то чудодейственное влияние".

"Несомненно, что мы по той же дороге можем идти и дальше, не прибывая ни к каким договорам. При дряблости общества, при низком нравственном уровне, никакая конституция, никакой договор не помогут, не уберегут его от посягательств на его свободу и права; а если оно сильно, нравственно, если его гражданский уровень высок, если оно понимает значение долга, оно обойдется и без всяких договоров. Никаких бумажных конституций нам не нужно! В нас, в нас самих должна быть конституция; и этой конституции у нас никто не отнимет, и только она и надежна".

"Бот причины, почему мы стоим крепко и убежденно за нашу формулу высшей единой воли, ни от кого не зависимой и ни перед кем не ответственной, кроме своей совести и Бога! Приступивши на прародительский престол Государи наши никаких обязательств перед какими палатами не принимают, никаких документов на себя не выдают и никаких конституций не подписывают. Но при венчании их на царство проходит нечто более серьезное. И наш Государь принимает известные и притом весьма важные и строгие обязательства. По чину венчания московский митрополит, прежде нежели передаст Государю царский венец, спрашивает его: "како веруешь?"; на это венчаемый отвечает произнесением православного Символа Веры, после чего и получает из рук святителя венец, который возлагает себе на голову. Обряд этот имеет глубокое, великое значение. Он знаменует неразрывную, органическую связь государства с Церковью, связь, которая превращает Государство Российской в Святую Русь и которая вместе с тем дает этому государству этическое (нравственное) основание, чем оно принципиально отличается от государства западного, парламентарно-

договорного, имеющего основание юридическое".

"Верховная воля" должна, по нашей формуле, быть точно и подробно освещена о том, что думают "умы". Какие же имеются для этого средства, какие пути? Все пути, ведущие к цели, хороши; в какой форме выражается общение между Царем и подданными — безразлично. Главное дело не в том, как собрать и куда посадить представителей "умов", в Земский ли Собор московского образца или в какие-нибудь вновь придуманные постоянные или временные учреждения; важно то, чтобы в учреждения эти попали "настоящие" люди, которые громко, смело, честно, откровенно и не льстиво высказывали бы то, что они призваны высказывать; не менее важно, чтобы их голос доходил непосредственно и в цепи до подножия престола".

"Наши противники, иронизируя над собранием людей, с которыми пожелали бысоветоваться правительство при условии, что оно может и не последовать данному совету, говорят, что из этого "интимного раута", на который имеют быть приглашены правительство и народ для обоюдного знакомства, не выйдет ничего путного; нам кажется, однако, что роль правительства на таком "рауте" будет лучше и полезнее роли конституционного монарха, ожидающего в передней парламента, "как решат вопрос господа члены большинства".

"Повторяем: не в конституции дело; не нужна она нам! Мы верим в наши собственные силы, в нашу нравственную, внутреннюю крепость. В этом, и только в этом — залог будущего преуспеяния нашего дорогое отечества: сильное, верное своим идеалам общество не нуждается ни в каких хартиях. Будем заботиться об укреплении и развитии нашего характера, будем гражданами!"

"Увы, этим мудрым советам, этим подлинно патриотическим призывам не последовали 90 % нашей интеллигентии: эти 90 % не поняли, что именно этическая основа Верховной Власти органически связана духовным устремлением нашего народа, они, расположившись перед Западом, преклонились перед юридическим и материалистическим основаниями западно-европейского парламентаризма. Они получили Государственную Думу — Российская Нация получила от этой Думы нож в спину в самый судьбоносный момент своей истории и сорок лет (а сколько еще?) концлагерей и чекистских застенков.

К какой же духовной основе Верховной Власти должна будет вернуться возрожденная Россия? Для нас, монархистов, двух мнений в этом вопросе быть не может. А потому, наш долг — сначала вооружиться до зубов идино, затем постараться достичь возможности и вооружения в буквальном смысле этого слова путем создания Российской Освободительной Армии и тогда уже преградить доступ к душе нашего народа тем потомкам ушибленных петровской реформой сеятелям "нетленных ценностей", которые будут пытаться вновь отравить русскую народную душу ядом "завоеваний революции" и заложить в фундамент Российской национально-государственной структуры тот гнилой песок западно-европейского духовного мещанства, который вызовет неминуемый и скорый обвал Нового Русского Дома. Вот наш главный долг!"

Н. Потоцкий

В воскресенье, 30 июня с. г., в 17 часов, в ДОКЛАД П. П. КРАЧКОВСКОГО — второй из серии докладов под общим названием "ЧИНГИС-ХАН И МИРОВАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ".

Тезисы второго доклада:

Конный рейд Джэбэ-Субудая, битва на Калке. Покорение Южного Китая, Индокитая, Бирмы. Экспедиция на Яву и против Японии.

Исторические параллели. Тевтонский Орден. Темучины и Чингиз-ханы ХХ века.

Нашествие Батыя. Разгром Сузdalской Руси.

После доклада обмен мнениями. Вход свободный.

ПОЛПИСЫВАЙТЕСЬ НА ГАЗЕТУ
“НАША СТРАНА”

Occidente y el comunismo

(Continuación)

Los agentes latinoamericanos adiestrados en revueltas-combates hicieron su “aprendizaje” durante largo tiempo en Checoslovaquia, en un centro denominado O D B O R KONSTRUKCNE STAVENI, que posteriormente fué rebautizado con el nombre de ANTICOL. Dicho centro funcionó primeramente en un suburbio de Praga, pero ahora lo hace en Melnik, junto a la capital checoslovaca. Anticolo no es el único Centro de este género: el Cominform dispone de otros en Rumania y Bulgaria; asimismo de un Seminario anticolonial en Varsavia, etc. Es muy difícil reconocer entre todas estas escuelas disfrazadas cuidadosamente, las industrias de armamentos comunistas.

*

Se han obtenido, por fortuna, algunos detalles de un centro para agentes activistas latinoamericanos de Eslovaquia. Allí se forman “jefes políticos (comisarios?) para los grupos de sabotaje y revueltas y de partidarios en los países

latinoamericanos. Es una especie de academia “militar-política” de cuño soviético. Dicho centro está sometido al “RAF” (Resistencia antifascista), anexo militar del P. C. español, cuyo cuartel general se halla por ahora en Praga con un sucursal muy activa en Varsavia. Lo dirigen los generales comunistas españoles Antonio García Cordon, Luis Fernández, Juan Blasquez, etc.

*

Se trata de un centro de “perfeccionamiento” para candidatos adelantados. Funciona desde 1955 y cuenta con más de 500 alumnos, españoles e italianos con familias o relaciones en Latinoamérica, además de cierto número de latinoamericanos, en especial de Venezuela. Igualmente funciona en Praga.

*

Este resumen, muy incompleto por razones obvias, permite, sin embargo, comprender el activo interés que URSS demuestra por los asuntos latinoamericanos. “Leto en distancia” no impide las tentativas trastornadoras del Soviét.

ФОНД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В “Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича” поступили следующие суммы:

от Р. — 3000 фр., от Родина — 2000 фр.

В зиосы в “Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича” принимаются редакцией “Нашей Страны” и всеми ее представителями на местах.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА
Аргентина — 3 песо; САСШ — 30
ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венесуэла — 1
бол.; Уругвай — 40 сент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил.
песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10
бельг. фр.; Швейцария — 1 шв.
франк; Германия — 75 пф.; Иран — 10
риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс.
австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульден;
Швеция — 1 шв. кр.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии 8 круз.; в Венесуэле — 1.25 бол.; в Парагвае — 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 190 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка; в Голландии — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за 12 единиц номеров вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров

Библиография

“ПУШКИН И ДОСТОЕВСКИЙ”, —

Бениамина Сапелкина

Сан-Паульское издательство “Луч”, зарекомендовавшее себя уже хорошими книгами, как по содержанию, так и по художественной отделке их, выпустило на сей раз в свет произведение самого издателя В. В. Сапелкина — “Пушкин и Достоевский”. Книга снабжена множеством иллюстраций, охватывающим жизнь Пушкина с разных сторон, — тут и сам он, и его друзья и близкие, и писатели, преклонявшиеся перед его творчеством. Кто хоть немного знаком с издательским делом в эмиграции, тот знает, как такую книгу трудно “поднять”, с какими финансовыми затруднениями и с какой кропотливой работой все это связано.

В. Сапелкин в предисловии сообщает нам, что труд его вырос из докладов, прочитанных им на днях “Русской Культуры” в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро (в 1956 году). Разумеется, к докладам этим прибавлено много другого материала, но это происхождение книги определяет ее сущность: доклад ставит своей целью всесторонне охватить тему в соединении с энциклопедической скромностью и удобопонятностью. Подход автора к теме — академический, то есть, он берет те данные, которые проверены и не могут вызвать сомнений. Получился некий альманах, весьма добродушного качества, где находим все загадки, необходимые для понимания Пушкина. Даны наиболее существенные сведения о самом поэте; перечисляются и разбираются его главные произведения; отмечается огромное влияние, которое Пушкин оказал на наших великих композиторов, перенесших в музыкальную сферу произведения поэта. В книге приведены и разные суждения о Пушкине наших критиков.

Относительно этих критических отзывов, может быть, следует пожалеть, что В. Сапелкин, в своей приверженности к академизму, оставил без внимания новейшие исследования о Пушкине. Эмиграция наша с полным правом может сказать, что она “в рассеянии сущая” и повседневными заботами сверх меры обремененная, не забыла “солище русской поэзии”. Трудов наших эмигрантов о Пушкине много и некоторые из них весьма высокого качества. Упомянем о своего рода путеводителе к пониманию Пушкина и его творчества, составленном проф. К. Зайцевым, ныне архимандритом Константином. О Пушкине написал весьма ценное исследование и сам Первонерарх Зарубежной Церкви митрополит Анастасий. Много новых интересных мыслей и интересных биографических данных можно найти у Ходасевича, Гофмана, Тырковой-Вильямса.

В Советском Союзе о Пушкине написано тоже много, но всю эту “пушкиниаду” правильнее всего назвать уголовной: нельзя ли что-нибудь украдь у поэта для вязней славы того каторжного предприятия, которое зовется СССР!..

В. Сапелкин избирает очень правильный путь, когда соединяет два имени: Пушкина и Достоевского, причем второй берется в смысле благотворного влияния на него Пушкина. Оба они, при кажущейся противоположности их творчества, соединены общим отношением к России. Ее они видели во всей мощи русского духа, который призван былнести свой свет во Вселенную. Их с полным правом следует назвать апостолами Третьего Рима, как назвал Россию, в своих пророческих видениях инок Филофей.

Пушкину дан был солнечный луч, который к чему бы ни прикасался, — к историческому прошлому или к своей современности, — вызывал тепло, свет, радость, красоту. И эту многогранную, текущую жизнь он видел в озарении Истины и Любви. Но этим же велениям Божиим служил и Достоевский, со всей силой своего гения. По свойствам своей натуры он был лишен непосредственного восприятия радости бытия. Если Пушкинский луч — солнечный, то Достоевского он какой-то особый, рентгеновский, просвечивающий насквозь души человеческие и определяющий те болезни, которые должны быть устранены, чтобы Третий Рим осуществился. Он видел бесов, вселившихся в русскую жизнь, видел все духовные провалы, которые подстерегают че-

ловека на его жизненном пути, но, за всем этим, он видел извечную Россию с ее Православной верой, и, в этом своем исповедании, его рентгеновый луч обращался тоже в солнечный, творящий жизнь.

Достоевский никогда не пророчество вал, что Россия суждено погибнуть. Наоборот. В “Бесах” мы видим, что все выходцы из бездны, либо бегут, либо попадают на каторгу. Но Достоевский делает предупреждение: бесы одолимы, бесы даже очень легко одолимы, надо только быть твердым в своей вере и твердо стоять за своих, русских царей. И в этой своей конечной, глубинной простоте Достоевский сливается с Пушкиным.

Каждую книгу, которая появляется в эмиграции, стараешься представить себе изданной при нормальных условиях, то есть вне эмиграции — в России нормальной. Думается, что в этом случае, труд В. В. Сапелкина имел бы на обложке почетную пометку: “одобрено Министерством Народного Просвещения для изучения русской литературы” и первые ученики, переходя из одного класса в другой, награждались бы этим сборником. Будем надеяться, что нормальная Россия вернется и юные поколения россиян, действительно, будут читать эту книгу, изданную уже в каком-нибудь всероссийском издательстве. Она открывает глаза на Россию и — лучший отзыв о книге, пожалуй, и не нужен.

Николай Былов

ЧАН КАЙ-ШИ И СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

Президент Китайской республики, Чан Кай-ши опубликовал книгу, в которой подводит итоги своей тридцатилетней борьбы против коммунизма. Он утверждает, что мирное сосуществование с Советским Союзом невозможно.

Чан Кай-ши пишет: “Война обычно характеризуется официальным ее объявлением и военными операциями, но по коммунистическому понятию о войне, она является постоянным состоянием, и, поскольку речь идет о Советском Союзе, это состояние не прекратится до тех пор, пока не будут осуществлены его планы о победе над всем миром. Другими словами, нынешнее состояние войны будет продолжаться до тех пор, пока советские планы не увенчаются успехом полного уничтожения того, что относится к демократии”.

Эти рассуждения китайского генералиссимуса появились в печати в серии двенадцати статей, представляющих выдержки из его упомянутой книги “Советская Россия и Китай”. Публикация этих статей начата газетой “Нью-Йорк Геральд Трибьюн” 13-го июня с. г.

Автор выражает надежду, что “горькие уроки Китая могут послужить примером для нейтральных стран Азии, стоящих лицом к лицу перед то же коммунистической опасностью”. Он в своей книге обращает внимание на то, что его партия и его правительство пережили три периода “мирного сосуществования” с коммунистами и считает, что этот опыт, имеющий большую ценность с точки зрения как национальной, так и международной, подлежит безотлагательному рассмотрению. Далее он делает следующее замечание:

“Обращая свой взор на прошедшие годы, я с каждым разом все глубже и глубже убеждаюсь в том, что нейтралитет так же опасен, как и самый коммунизм. Нейтралитет основывается на вере в то, что свободная демократическая страна может в мире и благополучии сосуществовать с коммунистической страной. Мой опыт отношений с коммунизмом, — говорит Чан Кай-ши, — научил меня тому, что коммунисты терпят и даже поощряют такое направление мысли только тогда, когда им нужно перемирье, необходимое для консолидации уже совершенных ими побед, или когда они подготовляют план нового наступления”.

В другом месте автор говорит: “Главнейшая коммунистическая опасность в Азии исходит от китайских коммунистов. Падение китайского континента было великой трагедией для мира, который только теперь начинает давать себе отчет о происшедшем”.

ПОСТУПИЛО
НА ИЗДАНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ
от Родина — 2000 фр.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NU ESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casa de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8465
Correio Central, São Paulo.Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Alende Pa-
din 2128 (por Beaucheff altura 1706).
Santiago de Chile.Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coromoto (Club Russo), Ca-
racas.Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialidad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.
U. S. A.Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B.
San Francisco 18, Calif.Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 E
14-th St. New York 3. N. Y.Allies Book Shop, 3456, Broadway, New
York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.
Edmonton, Alta.Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 2,
Ont.Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poind-
caré (Bordeaux), Montreal (P. Q.)
“Derby Universal Book Agency”, P.O.B.
No. 27, Station “B”. Phone Jackson—
2-3927. Hamilton, Ontario

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Sta-
ve — 13, Rue de Roumanie, BruxellesFrance: Mr. A. Krivocheff, “Kame”
27, rue de Villiers, Neuilly s / Seine,
Seine.Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg
Postfach 63.Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev, Cas. posta-
le 102, San Remo.Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 16,
Athènes.Norge: Mr. F. Dymsha, Möller gt.
42/III. Oslo. NorgeHolland: G. A. Kolf, Amsterdamse
Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buran-
da. Brisbane. Q-d.Mr. P. Ostashkevich, 7 Whingham St.,
Fitzroy, Adelaide.Polyglot Book Depot, Post Office
Carrum, Melbourne, Vic.Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str.,
South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdowsi,
Teheran.

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Сестры Мария и Нина из Харькова разыскивают брата Демьяна Михайловича Федоровского. Весной 1944 года, раненый, он находился в госпитале в с. Глубоком (Польша). Сведения направлять по адресу:

Miss Maria Fedorovsky
230 West 82-nd Street
New York 24, N. Y., U. S. A.

Сергеевы Анания Васильевича и Аникея Васильевича, родившихся в Житомирской области, старообрядцев, просят сообщить свои адреса в редакцию газеты “Наша Страна”.

Александра Николаевича Егорова разыскивает брат Всеволод. Писать по адресу:

V. N. Egoroff, Las Heras 3041,
Florida, F. C. Mitre, Argentina